

Ю.И. Березина

социальные
последствия
научно-
технического
прогресса

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Ю.И.Березина

социальные
последствия
научно-
технического
прогресса

Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1986

Ответственный редактор
А. А. ГАЛКИН

Юлия Иосифовна Березина
ЯПОНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Утверждено к печати
Институтом международного рабочего движения
Академии наук СССР

Редактор В. Е. Ильин. Младший редактор Н. И. Сенина. Художник А. Н. Гольдман. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор Л. Е. Синенко. Корректор Р. Ш. Черис

ИБ № 15407

Сдано в набор 19.06.86. Подписано к печати 11.11.86. А-05806. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,0. Усл. кр.-отг. 14,35. Уч.-изд. л. 16,1. Тираж 3150 экз. Изд. № 5079. Зак. № 671. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Б 0604040000-214 183-86
013(02)-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ВВЕДЕНИЕ

Социальные последствия научно-технического прогресса особенно отчетливо проявились во всех промышленно развитых капиталистических странах в конце 70-х — начале 80-х годов. Масштабы и темпы перехода на новую техническую и технологическую базу были в разных странах различны, что объясняется особенностями их социально-экономического устройства, спецификой исторического и уровнем экономического развития. А это, в свою очередь, определило интенсивность влияния технологической перестройки на социальные процессы. Развитие капиталистического общества на современном его этапе в значительной степени происходит под воздействием широкого внедрения в экономику новейших достижений научно-технического прогресса, поэтому анализ общих закономерностей этого процесса в зоне развитого капитализма в целом и выявление конкретной ситуации в каждой отдельной стране приобретают в наши дни первостепенное значение.

Особенности научно-технической революции в Японии, второй по уровню экономического развития страны капиталистического мира после США, наряду с общими, присущими всем промышленно развитым странам чертами оказали и продолжают оказывать огромное влияние на все развитие современного японского общества.

Вступив на путь научно-технической революции, Япония продемонстрировала весьма высокие темпы экономического роста. Темпы прироста валового национального продукта (ВНП) составляли в 1953—1955 гг. 7,5% в год; в 1956—1960 гг. — 8,9; в 1961—1965 гг. — 10,1; в 1966—1970 гг. — 12,2% [90, 1966, с. 134; 1968, с. 80; 1970, с. 86—87; 1973, с. 68; 1981, с. 55]. Среднегодовой прирост промышленного производства превысил в Японии за период с 1950 по 1970 г. 15%, в то время как в среднем в капиталистических странах он был равен 5,3% (в ФРГ и Италии — 7,4%, в США — 4%). В 70-х годах, особенно во второй половине, в условиях самого глубокого за послевоенный период циклического кризиса 1974—1975 гг., следовавшего за «нефтяным шоком» конца 1973 г., темпы экономического роста Японии, так же как и других промышленно развитых капиталистических стран, резко сократились. Темпы прироста ВВП в 1969—1973 гг. составили в Японии 8,8%, в 1974—1979 гг. — 3,7, в 1980—1983 гг. — 3,6%, а промышленного производства — соответственно 10,9; 2,3; 7 [348, 1984, № 280, с. 159].

Вместе с тем экономика Японии оказалась более адаптивной к кризисным явлениям, чем в других промышленно развитых капиталистических странах. Достаточно для сравнения привести следующие данные: в США среднегодовой прирост ВВП в 1974—1979 гг. был равен 2,8%, в 1980—1983 гг. — 0,2%, в странах ЕЭС соответственно 2,4 и 1,4%, а промышленного производства — в США 2,7% за 1974—1979 гг., 0,1% за 1980—1983 гг., в странах ЕЭС 1,7 и 0,4% соответственно [348, 1984, № 280, с. 159].

Япония, при ее почти абсолютной зависимости от импорта промышленного сырья, сумела более гибко отреагировать на кризисную ситуацию, возникшую в связи с резко обострившейся проблемой ресурсов, в первую очередь энергетических. Важнейшую роль в преодолении последствий экономического кризиса сыграло использование достижений научно-технического прогресса, что сделало возможным осуществление новых серьезных структурных преобразований в японской экономике, направленных на широкое освоение материало-, энерго- и трудосберегающих методов производства.

В результате, хотя Япония и пережила во время кризиса 1974—1975 гг. серьезные экономические затруднения, она тем не менее продемонстрировала по сравнению с США и со странами ЕЭС более высокие темпы роста ВВП и производительности труда, роста частных инвестиций в оборудование, здания и сооружения, а также платежного баланса страны и экспорта. Япония даже усилила свои позиции в капиталистическом мире.

Успехи Японии в практическом применении новейших достижений науки и техники явились для японского монополистического капитализма важнейшим средством повышения эффективности производства и обеспечения конкурентоспособности японских товаров за рубежом (Японии принадлежит первое место в капиталистическом мире по конкурентоспособности). Вместе с тем сравнительно меньшие, чем в других ведущих капиталистических странах, масштабы отрицательных последствий широкого внедрения новой техники и технологии вызвали большой интерес к «японскому феномену» как в деловых, так и в научных кругах Запада. Этот интерес особенно усилился со второй половины 70-х годов, когда Япония значительно успешнее, чем западные страны, сумела преодолеть негативные последствия мирового капиталистического кризиса 1974—1975 гг., а затем кризиса 1980—1983 гг., затронувшего Японию в 1982 г. На смену концепций японского «экономического чуда», широко распространенных как на Западе, так и внутри страны в 60-х и начале 70-х годов, пришли концепции «высокой приспособляемости» японской экономики. При этом «высокая приспособляемость» выводится, как правило, непосредственно из специфики социально-экономической структуры страны.

Большинство ведущих идеологов политического и делового мира Запада (З. Бжезинский, Г. Кан, Ж. Серван-Шрайбер,

П. Дракер, Э. Фогель и др.) стали анализировать опыт развития Японии в рамках не только и не столько ее экономики, сколько социокультурных ценностей, особенностей массового сознания, исключительности японского общества.

Многие буржуазные ученые, в том числе и японские, пытаются объяснить достижения Японии в послевоенное время главным образом сохранением в неизменной чистоте таких «чисто японских» явлений, как необычайное трудолюбие в сочетании с высоким уровнем образования, твердые устои групповых целей и устремлений, сильные традиции взаимопомощи.

Различного рода концепции своеобразия личности японцев, получившие широкое распространение, как правило, игнорируют серьезные сдвиги в сознании массовых слоев японского общества.

Характер социальных отношений и социального развития японского общества получил в этих концепциях одностороннее освещение, так как классы и классовая борьба, социальная дифференциация и социальные противоречия выпали из круга внимания приверженцев этих теорий.

Тем не менее подобные «теории» находят многих последователей и внутри Японии, и на Западе. Правящие круги Японии широко используют концепции «исключительности» японской социально-экономической структуры для насаждения иллюзий классового мира и неизбежности японского капитализма. В этих условиях особенно важное значение приобретает серьезный и всесторонний анализ происходящих под влиянием научно-технического прогресса глубоких сдвигов в социальной и политической сферах страны, в структуре, поведении, сознании рабочего класса Японии.

Социальные последствия научно-технического прогресса представляют собой сложный комплекс изменений в занятости, социальной структуре страны, в социально-профессиональном и общеобразовательном уровне населения, в общественном сознании и политическом поведении трудящихся.

Коренная перестройка экономики послевоенной Японии в условиях научно-технической революции, способствовавшая распаду феодальной семьи-клана («иэ») и резкому усилению урбанизации, перелив самодельного населения из сельских районов в города, из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли, ускоривший процесс пролетаризации общества и размывания промежуточных слоев, — все это в целом вызвало кардинальные сдвиги в структуре японского послевоенного общества. Если в первый послевоенный период в ней преобладали средние слои, представленные в основном крестьянством и городской мелкой буржуазией, а доля пролетариата чуть превышала треть всего самодельного населения страны, то в наши дни японский пролетариат — самый многочисленный класс страны.

Заметные изменения произошли во внутренней структуре са-

мого рабочего класса, связанные, в частности, с возрастанием доли умственного труда, с повышением квалификационного и общеобразовательного уровня японских рабочих, что привносит новые существенные элементы в его психологию. Усиливается стремление к всестороннему рациональному анализу и оценке социальных явлений и процессов, расширяется политический кругозор. Углубляющаяся пролетаризация широких категорий японских служащих приводит к усложнению социального состава рабочего класса, к включению в его ряды новых категорий наемных работников, новых социально-профессиональных групп.

Высококвалифицированные социально-профессиональные группы, войдя в состав рабочего класса, в состоянии значительно повысить его способность решать сложные задачи, которые ставит перед ним современное развитие. Включение в рабочий класс новых категорий наемных работников создает условия для расширения его влияния на другие социальные группы. Вместе с тем существует определенная опасность привнесения в рабочий класс индивидуалистических, мелкобуржуазных воззрений в результате пополнения его рядов за счет промежуточных социальных групп города и деревни. Концентрация в рамках рабочего класса различных по своему происхождению, психологии, политическим взглядам и культурным традициям групп отразилась как на политическом поведении рабочего класса в целом, так и на формировании социальной базы отдельных политических партий.

В. И. Ленин, касаясь проблемы развития рабочего движения, отмечал: «Если не мерить этого движения по мерке какого-нибудь фантастического идеала, а рассматривать его, как практическое движение обыкновенных людей, то станет ясным, что привлечение новых и новых „рекрутов“, втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и устарелым приемам и т. д. На „обучение“ рекрутов рабочее движение каждой страны тратит периодически большие или меньшие запасы энергии, внимания, времени» [49, с. 65].

Далее В. И. Ленин специально пишет о последствиях пополнения рабочего класса за счет выходцев из рядов мелкой буржуазии: «Но китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, нет и быть не может. Понятно, что переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут не порождать, со своей стороны, колебаний в тактике этого последнего» [49, с. 69].

Вследствие своеобразия национального исторического опыта японские трудящиеся по уровню развития общественно-политического сознания в значительной степени отстают от трудящихся масс развитых стран Запада, что находит свое выражение в особенностях электорального поведения. Вместе с тем неуклон-

ное увеличение численности пролетарских слоев, составляющих основную массу избирателей в крупных городах и промышленных районах страны, сокращение рядов мелкой буржуазии города и особенно села — важнейшей опоры консерваторов, а также постепенный рост политической сознательности трудящихся масс обусловили серьезные изменения в политической ориентации и политическом поведении избирателей.

Главное направление этих изменений — неуклонный рост влияния и авторитета левых партий. Анализ результатов парламентских выборов в послевоенной Японии свидетельствует о явной тенденции к развитию антикапиталистических тенденций в психологии трудящихся масс. Несмотря на ряд колебаний, сдвиг избирательного корпуса влево проявляется в постоянной поддержке левых, демократических сил основной частью промышленного пролетариата, возрастании левой ориентации новых отрядов рабочего класса, и прежде всего конторско-торгового пролетариата, а также заметном полевении влиятельных наемных групп городских средних слоев. Это создает дополнительные возможности для изменения политической расстановки сил в Японии в пользу сил демократии и прогресса.

В отличие от большинства других капиталистических стран, где борьба за власть ведется двумя буржуазными партиями и ни в коей мере не угрожает самим основам социальной системы (как, например, в США и Англии), конкурентом ЛДП могут быть только левые, демократические партии, что заставляет ЛДП остро реагировать на их деятельность.

Усиление борьбы трудящихся в защиту своих жизненных интересов, высокие темпы роста экономики в течение длительного периода и резкие изменения в отраслевой и профессиональной структурах обусловили увеличение доходов народных масс. Во-первых, монополии, столкнувшись с серьезным обострением классовых противоречий, вынуждены были поступиться в пользу трудящихся частью своих быстро возрастающих прибылей. Во-вторых, повышение заработной платы отражало в некоторой степени тенденцию к росту цены рабочей силы в результате повышения роли научно-технического прогресса в развитии производительных сил страны.

По данным официальной японской статистики, за 1955—1975 гг. номинальная заработная плата выросла в среднем по всем отраслям хозяйства в 9,5 раза, а обрабатывающей промышленности — в 9,9 раза; реальная заработная плата увеличилась по всем отраслям в 2,9 раза, в обрабатывающей промышленности — в 3 раза. За 1975—1980 гг. рост номинальной заработной платы в обрабатывающей промышленности составил 49,9%, а реальной — 9,3% [100, 1961, с. 336—337; 1963, с. 364; 1968, с. 402; 1971, с. 305—307; 94, 1978, с. 252; 1982, с. 217].

Однако индексы номинальной и реальной заработной платы отражают лишь общую тенденцию и носят в значительной степени относительный характер. Во-первых, в средние показатели

заработной платы официальная японская статистика включает оплату труда высшего административно-управленческого персонала вплоть до президентов компаний, что, безусловно, влияет на повышение средней зарплаты трудящихся. Во-вторых, все официальные статистические источники исчисляют индексы номинальной и реальной заработной платы исходя из данных о средней заработной плате наемных работников, постоянно работающих на предприятиях с числом занятых 30 и более, в то время как в Японии существуют большие различия в заработной плате в зависимости от размера предприятия, а также в оплате труда постоянно или временно нанятых работников. Таким образом, исключая или подсчетов лиц, работающих в сфере мелкого производства и получающих самую низкую заработную плату, официальная статистика также завышает индексы номинальной и реальной заработной платы трудящихся.

Тем не менее явная тенденция к повышению уровня реальной заработной платы вызвала довольно ощутимый рост доходов семей трудящихся, даже с учетом постоянного повышения цен на потребительские товары. Значительный рост доходов японских трудящихся отмечался вплоть до середины 70-х годов, что привело к заметному расширению потребительского спроса. Этому способствовала определенная «потребительская» направленность научно-технического прогресса, в результате чего на японский рынок хлынул поток новых для страны товаров, значительно увеличилось число товарных моделей, расширился диапазон назначения бытовой аппаратуры.

Необходимость приведения квалификационного, общеобразовательного и т. п. уровня лиц наемного труда в соответствие с новым уровнем технического перевооружения производства, а также интенсификация труда на базе новой техники усложнили условия воспроизводства рабочей силы, расширив потребности трудящихся, как физиологические, так и социальные. В настоящее время для поддержания трудоспособности трудящихся, для повышения их образовательного и квалификационного уровня, для содержания семьи требуется значительно большее потребление товаров и услуг, чем раньше.

За 1955—1975 гг. среднемесячные потребительские расходы семей рабочих и служащих выросли с 23,5 тыс. до 166 тыс. иен, т. е. примерно в 7 раз (в текущих ценах), или в 2,2 раза в ценах 1955 г. [352, 1975, № 6, с. 46; 1976, № 6, с. 38]. Ухудшение общей экономической ситуации в стране после кризиса 1974—1975 гг., неблагоприятные явления в сфере занятости, рост инфляционных процессов замедлили среднегодовой темп прироста потребительских расходов, за 1973—1980 гг. он составил немногим больше 1% [348, 1981, № 236, с. 84—86; 1982, с. 97—98].

Рост реальных потребительских расходов трудящихся во второй половине 70-х годов отставал от роста их семейных доходов, что отражало настроения масс, их неуверенность в завтрашнем дне, желание в связи с этим больше отложить, чем потре-

бить. В результате доля сбережений лиц наемного труда возросла с 20—22% их доходов до 24—25% [363, 1981, № 3, с. 16].

Произошли серьезные изменения в структуре личного потребления трудящихся. По мере роста производства, расширения ассортимента продукции, выпускаемой благодаря развитию научно-технического прогресса, а также увеличения доходов трудящихся все больший удельный вес занимают расходы на различного рода услуги, лечение, образование, досуг и т. д. Доля услуг в общем объеме потребительских расходов составляла в конце 70-х годов почти 48%, из них 23% приходилось на организацию досуга, что связано с увеличением свободного времени населения, а также с повышением его образовательного уровня [348, 1980, № 227, с. 97].

В наши дни удельный вес расходов на продукты питания в Японии находится примерно на таком же уровне, как в Англии, Франции, ФРГ; на одежду — как в ФРГ, Франции, Италии; на жилье — как в США и ФРГ; на мебель и домашнюю утварь — как в США и Англии. Удельный же вес расходов на услуги в Японии выше, чем во многих других развитых капиталистических странах, и эта тенденция, по всей видимости, является достаточно долговременной.

В структуре потребления лиц наемного труда продолжают сохраняться классовые различия. Рост личного потребления произошел далеко не в равной степени у различных категорий трудящихся. Получатели высоких доходов большую часть личного потребления тратят на индустрию досуга и разного рода «престижные» приобретения, и желание не допустить понижения достигнутого ими уровня потребительской жизни не позволяет им сокращать эту долю расходов даже при большом удорожании товаров и услуг. Получатели же низких доходов вынуждены в случае плохой экономической конъюнктуры и высоких цен ограничивать приобретение даже товаров и услуг первой необходимости.

Наряду с такими важными факторами усиления потребительских ориентаций, как повышение уровня жизни населения и наводнение японского внутреннего рынка широким ассортиментом товаров, на масштабы и структуру личного потребления в Японии воздействует также расширение ее международных связей, ознакомившее японцев с эволюцией потребительского спроса на Западе и способствовавшее европеизации японского быта. Важное значение имело также снятие своего рода «табу» с потребления, традиционно считавшегося в Японии социальным злом.

В целом можно сказать, что быстрый экономический рост и достижения в области научно-технического прогресса стабилизировали на довольно длительный период экономическую ситуацию в стране, породили среди значительной части трудящихся масс определенное примирение с капиталистической системой, вызвали снижение их интереса к политической борьбе.

Вместе с тем успехи экономического развития Японии, сопровождавшиеся возникновением серьезных диспропорций в развитии общества, кризисом экологии, интенсификацией труда, усугубили неравенство в распределении общественных богатств и вызвали в результате подрыв тех традиционных ценностей, на базе которых в значительной степени поддерживалась выгодная японскому капиталу социальная организация Японии.

Вынужденные идти на определенные уступки в области материальных требований, правящие круги делали все возможное, чтобы помешать развитию самосознания трудящихся. В этих целях предпринимались многочисленные попытки интегрировать трудящихся в систему буржуазной «массовой» культуры, помешать их духовному росту. Идеологическое наступление на общественное сознание массовых слоев, развернутое консерваторами, располагавшими разветвленной сетью средств массовой информации, в том числе телевидением, безусловно, оказывает свое воздействие на ценностные ориентации и политические предпочтения масс.

В советской научной литературе имеется немало серьезных фундаментальных работ, посвященных анализу развития научно-технического прогресса в Японии, общего направления и отдельных аспектов социально-экономической жизни страны, сдвигов в структуре японского общества, положения и борьбы рабочего класса, деятельности политических партий. Общие проблемы экономического развития Японии детально разработаны в коллективных монографиях [109, 155, 156, 130]; в работах Я. А. Певзнера [163, 164], Е. А. Пигулевской [166, 167], А. И. Динкевича [133], Б. Н. Добровинского [134], М. В. Сутягиной [192, 193] и др. Отдельные аспекты экономического и социального развития Японии получили освещение в монографиях К. М. Попова [172], В. Б. Рамзеса [183, 184, 185], А. И. Соколова [189], А. Н. Курицына [142], Н. М. Брагиной [121], С. Б. Маркарьян [147, 148], В. А. Попова [171]. Разработка общих закономерностей научно-технической революции в Японии, особенностей развития научно-технического прогресса в японской промышленности нашла свое отражение в работах А. Т. Мельникова [152], М. С. Скорова [187], В. Н. Хлынова [197].

В трудах Л. П. Арской [117], Ю. И. Березиной [120], Ю. Д. Кузнецова [141], В. Н. Хлынова [197] дается анализ сдвигов в структуре японского общества и развития его отдельных классов и социальных слоев. Проблемы рабочего, профсоюзного, общественно-политических движений, а также деятельность политических партий подробно освещаются в работах И. К. Державина [131], И. И. Коваленко [139], И. А. Латышева [144, 145], Г. И. Подпаловой [169, 170], П. П. Толехи [196].

В наши дни, когда воздействие внедрения в экономику новейших достижений научно-технического прогресса становится одним из важнейших факторов современного этапа развития ка-

питалистического общества, чрезвычайно важно комплексное исследование этих последствий не только в экономической, но и в социальной, а также политической сферах. Предлагаемая книга представляет собой первую попытку комплексного анализа социальных последствий научно-технического прогресса в Японии на современном этапе, анализа сдвигов в структуре, поведении, сознании японского рабочего класса в условиях интенсивной технологической модернизации.

Автор ставил своей целью решить на фоне общего анализа экономического и социально-политического развития японского общества в условиях интенсивной технологической модернизации ряд конкретных научных задач: установить особенности научно-технического прогресса в Японии, в значительной степени определившие многие явления как в социально-экономической, так и в общественно-политической сферах; выявить последствия технологической перестройки в области занятости и социальной структуры страны; проследить связь между сдвигами в структуре японского общества и изменениями в общественно-политической ориентации японских трудящихся, обратив особое внимание на молодежь, выступающую сейчас в роли важнейшей силы, обуславливающей изменения в сознании и поведении масс.

Эти задачи определили хронологические рамки монографии. Основное внимание автор уделяет исследованию процессов, связанных с интенсивной технологической перестройкой, т. е. с периодом второй половины 70-х и первой половины 80-х годов. Однако для правильного понимания многих явлений в социально-политической сфере, которые представляют собой своеобразный итог длительного социального и идейно-политического развития страны на протяжении всего послевоенного периода, автор счел необходимым в некоторых случаях остановиться на более ранних данных, позволяющих выявить зарождение ряда процессов, смысл которых наиболее полно раскрылся уже в 70—80-е годы.

Комплексный анализ различных аспектов развития Японии в условиях интенсивной технологической модернизации позволяет понять не только современное состояние массового сознания и общественное поведение японских трудящихся, но и наметить основные тенденции будущего развития, что чрезвычайно важно для правильной оценки специфики общественно-политической жизни Японии, ее места в капиталистическом мире.

Учитывая широту и сложность поставленной задачи, автор в своей книге не претендует на полное и детальное освещение многочисленных аспектов последствий научно-технического прогресса, затронувшего буквально все стороны жизни современного японского общества, а останавливается на наиболее важных, с его точки зрения, проблемах влияния НТР на сферу занятости, социальную структуру, массовое сознание и политическое поведение японских трудящихся.

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В ЯПОНСКИХ УСЛОВИЯХ

ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Особенности научно-технического прогресса в Японии определялись, во-первых, необходимостью проведения после войны модернизации всего производственного аппарата страны и, во-вторых, более поздним по сравнению с большинством других развитых капиталистических государств вступлением на путь научно-технической революции.

Переход от экстенсивной модели развития к интенсивной совершался ускоренными темпами, поскольку Японии не нужно было проходить последовательно все его фазы и стадии. Используя опыт, технику, научные достижения и открытия других стран, она проделала этот переход по-иному, в соответствии с особенностями своего исторического развития.

Потерпев поражение во второй мировой войне, Япония оказалась в экономическом отношении отброшенной на два-три десятилетия назад. Перед ней встала очень сложная задача: наряду с восстановлением экономики сразу же начать серьезную перестройку хозяйства и в первую очередь структурную перестройку промышленности. Если в предвоенные годы экономика Японии развивалась в условиях относительной замкнутости, то послевоенные условия диктовали необходимость приспособления к международному разделению труда, к мировому рынку. Это потребовало преодоления сильнейшего отставания от других индустриально развитых капиталистических стран в области технико-экономических достижений.

Обеспечение прогресса техники и технологии на национальной основе потребовало бы значительного времени и огромных материальных и денежных затрат. Поэтому Япония пошла по пути импорта научно-технических знаний, патентов, лицензий. По количеству закупаемых лицензий и размерам платежей по ним до середины 60-х годов она занимала второе место в капиталистическом мире после Франции, а со второй половины 60-х годов вышла на первое место. За 1950—1970 гг. японские компании заключили с иностранными фирмами 15 тыс. лицен-

зионных соглашений, за право пользоваться патентами и лицензиями за этот период было выплачено 929,4 млрд. иен (примерно 2,6 млрд. долл.) [339, 1967, № 5, с. 46; 87, 1973, с. 378—379]. Основная часть (около 65%) всех лицензионных соглашений приходилась на США, затем следовали ФРГ, Швейцария, Англия, Франция, Италия. До середины 60-х годов американская технология применялась практически во всех отраслях японской промышленности и особенно широко в переработке пластмасс и электротехническом машиностроении. Технический опыт ФРГ использовался в химической промышленности Японии и общем машиностроении, английский — в транспортном машиностроении, французский — в текстильной промышленности.

Япония заметно опередила другие капиталистические страны по части эффективного внедрения импортируемых достижений научно-технической мысли, технических и технологических навыков. Этот процесс начался в 50-х годах, когда в Японии стали развиваться новые отрасли промышленности. В 60-е годы в связи с переоборудованием промышленности на основе новой техники импорт иностранных технических знаний еще более вырос. Так, в электротехнике, например, в 1965 г. было заключено в 6 раз больше соглашений, чем в 1955 г., в общем машиностроении и в химической промышленности — в 4 раза. За 1965—1970 гг. было заключено 8,547 тыс. соглашений, или более чем 50% всех соглашений, заключенных за двадцатилетний период (с 1950 по 1970 г.). Объем платежей за эти лицензии составил 1,3 млрд. долл., или 58% всех выплат за иностранные лицензии за 20 лет [87, 1970, с. 161—164].

В 50-х годах значительная часть лицензий приходилась на технологию, применявшуюся в западных странах в 20-х и 30-х годах, а в 60-е годы при закупке лицензий большее предпочтение стало отдаваться новейшему техническому опыту. К концу 60-х годов важное значение приобрел импорт лицензий, связанных с улучшением ранее закупленной техники, с повышением степени механизации и автоматизации производства.

В соответствии с планами ускоренного развития ключевых отраслей промышленности менялась отраслевая структура импорта лицензий. Удельный вес отраслей тяжелой и химической промышленности в общем объеме технических соглашений повысился с 57,4% в 1950 г. до 68,8% в 1970 г. [87, 1972, с. 153].

Быстрый рост отраслей тяжелой промышленности сопровождался крупными технологическими сдвигами, что нашло свое отражение в заметном повышении доли отраслей, характеризующихся высокой степенью концентрации научных исследований. Такие отрасли (общее и транспортное машиностроение, электромашиностроение и др.) занимали 21,4% в общей отраслевой структуре в 1958 г. и 31,2% — в 1969 г. [240, с. 50].

Использование достижений мировой науки и техники способствовало повышению технического уровня промышленного производства при значительной экономии времени, материаль-

ных и финансовых ресурсов и привело к быстрому сокращению разрыва между техническим оснащением важнейших отраслей промышленности Японии и других развитых капиталистических стран. Без заимствования технического опыта зарубежных стран такой скачок был бы просто невозможен.

С середины 60-х годов Япония начала форсировать собственные научно-технические исследования и разработки, опираясь на достигнутый уровень экономического и научно-технического развития. При этом с повестки дня не была снята задача использования передового мирового опыта. Начиная с 1960 г. в Японии стремительно росли расходы на научные исследования. Темпы этого роста были значительно выше, чем в других странах: за 1960—1970 гг. расходы на научные исследования и разработки увеличились в США в 1,9 раза, в Англии — в 1,8, во Франции — в 3,9, в ФРГ — в 3,7, в Японии — в 6,5 раза. В результате разрыв между Японией и другими промышленно развитыми странами в этой области постепенно сокращался. Если в середине 60-х годов Япония отставала по абсолютным размерам этих расходов от США в 17 раз, от ФРГ — в 2,2 раза, от Англии — в 1,8 раза, от Франции — в 1,6 раза, то уже в 1969 г. она обогнала по этому показателю Англию, в 1970 г. — Францию и вышла на третье место в капиталистическом мире после США и ФРГ, а с середины 70-х годов — на второе место после США [87, 1973, с. 348—352].

Во второй половине 70-х годов среднегодовые темпы роста расходов на науку несколько замедлились. Но в абсолютном выражении затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы постоянно росли. В конце 60-х годов они составляли 1195,3 млрд. иен, в конце 70-х годов — 4583,6 млрд., в 1980 г. — 5246,2 млрд., в 1981 г. — 5982,5 млрд., в 1982 г. — 6528,7 млрд. иен [332, 1975, № 5, с. 2; 331, 1982, т. 24, № 2, с. 20; 1984, т. 26, № 4, с. 23; 349, 1983, т. 50, № 5, с. 385; № 6, с. 456].

По такому показателю, как доля расходов на науку в валовом национальном продукте (ВНП), Япония уступает главным индустриально развитым странам, хотя разрыв с каждым годом уменьшается. В 1965 г. этот показатель в Японии равнялся 1,3%, в 1970 г. — 1,6, в 1977 г. — 1,8 (в США — 2,1%, в ФРГ — 2,3, в Англии — 2%), в 1980 г. — 2,1, в 1981 г. — 2,36, в 1982 г. — 2,44, в 1984 г. — 2,58% (четвертое место в мире после СССР — 3,66%, ФРГ — 2,7% и США — 2,65%). К концу 80-х годов планируется довести долю затрат на научные исследования в ВНП до 3% [276, с. 97; 208, с. 11; 343, 1983, № 162, с. 4; 331, 1984, т. 26, № 4, с. 24]. Если в США и капиталистических странах Западной Европы значительный процент затрат на научные исследования (50—60%) направляется на военные нужды, в Японии до 85% всех ассигнований на науку используются в интересах обеспечения роста промышленного производства.

Основная часть общих затрат идет на развитие естествен-

ных наук и техники (89,7% — в 1981 г., 90,1% — в 1982 г.), доля же гуманитарных дисциплин очень невелика (10,3% — в 1981 г. и 9,9% — в 1982 г.). В области промышленности примерно 69% всех ассигнований на науку приходится на четыре отрасли — электротехническую промышленность, транспортное машиностроение, химическую промышленность и общее машиностроение [349, 1983, № 4, с. 50; № 6, с. 460].

Структура финансирования научных исследований за последние десятилетия претерпела определенные изменения. В первые послевоенные годы до 35% всех ассигнований на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (а в таких наукоемких отраслях промышленности, как радиоэлектронная, атомная, авиаракетная, — до 40% и более) шло на создание научно-исследовательской базы промышленности путем обновления, расширения, реконструкции оборудования. С начала 60-х годов, а особенно в 70-е годы расходы на эти цели стали существенно сокращаться. Расширение и значительное усложнение научных исследований, рост численности научных работников и повышение оплаты их труда вызвали к концу 70-х годов относительное уменьшение доли расходов на лабораторную базу и увеличение доли расходов на оплату научных работников. В 1982 г. 46,9% ассигнований на НИР расходовались на оплату труда занятых в этой сфере, 15,6% — на приобретение материалов, 17,8% — на расширение основных фондов. Административные и прочие расходы составили 19,7% [87, 1972, с. 326—327; 1978, с. 163, 337; 1981, с. 33; 331, 1984, т. 26, № 4, с. 27].

Путь активного заимствования зарубежных научных достижений (их творческая доработка и совершенствование техники и технологии) определил особо высокий как абсолютный, так и относительный рост ассигнований на опытно-конструкторские разработки и вместе с тем сравнительно незначительную долю затрат на фундаментальные исследования (13,7% общих сумм на НИР в 1978 г.), что могло явиться существенным тормозом в развитии научно-технического потенциала страны, поэтому с конца 70-х годов увеличиваются ассигнования на фундаментальные исследования [362, 1981, № 4338, с. 72]. Меняется соотношение собственно японских и импортных научно-технических достижений, внедряемых в японскую промышленность. В начале 60-х годов отечественные разработки составляли всего 18% общего объема используемого технического опыта, к концу 70-х годов — почти 70%. Упор на форсированное развитие собственной сферы научных исследований предусмотрен в Японии и на 80-е годы.

В 1977 г. Управление по науке и технике провело обследование частных предприятий, в задачу которого входило выяснение степени зависимости национальных компаний от зарубежной техники и технологии. Обследование показало, что более половины (57,7%) всей используемой техники и технологии име-

ло отечественное происхождение, в том числе 51,8% приходилось на разработки собственной фирмы, а 5,9% — на заимствования у других национальных фирм; 42,3% было импортировано из-за границы, причем только 4,8% из них представляло собой чистое заимствование, 18,1% — импортированную технику, усовершенствованную в японской фирме, 19,4% — технику, созданную в результате комплексного использования заимствованных и собственных разработок. Таким образом, зарубежный технический опыт, пройдя существенную доработку в японских компаниях, интегрируется в научно-технический потенциал Японии, становится его неотъемлемой составной частью [87, 1977, с. 32].

Япония уже не только импортирует, но и экспортирует научно-технические достижения. Если в конце 60-х годов поступления от технологического экспорта составляли 10,8% всех платежей по импорту технологии, то во второй половине 70-х годов они равнялись 23%. Сумма, вырученная от экспорта собственной технологии, увеличилась с 2,3 млрд. иен в 1960 г. до 23,3 млрд. иен в конце 70-х годов [276, с. 277—278].

Экспорт лицензий растет более высокими темпами, чем их импорт. Так, в 1977 г. было экспортировано 897 новых лицензий на сумму 36 млрд. иен, а импортировано 685 на сумму 16,9 млрд. иен [85, 1980, с. 272]. В 1980 г. объем экспорта лицензий составил 159,6 млрд. иен, в 1981 г. — 175,1 млрд., в 1982 г. — 184,9 млрд. иен. С 1972 г. баланс доходов и платежей Японии по новым технологическим сделкам сводится с положительным сальдо, а с 1977 г. наблюдаются тенденции опережающего среднегодового прироста объема продаж лицензий по сравнению с их импортом [331, 1982, т. 24, № 3, с. 34; 1984, т. 26, № 4, с. 33]. В настоящее время Япония занимает по экспорту технологии третье место в мире после Соединенных Штатов и ФРГ.

При этом обращает на себя внимание рост экспорта технологии ведущими отраслями японской тяжелой промышленности, особенно металлургической, химической, электротехнической, транспортного машиностроения. На эти четыре отрасли приходилось в 1981 г. более 64% всех выплат, полученных Японией за экспорт лицензий (32 млрд. иен — на химическую, 28,7 млрд. — на электротехническую, 27,7 млрд. — на транспортное машиностроение, 24,5 млрд. иен — на металлургическую). Примерно 50% общего объема экспорта технологии идет в развитые капиталистические страны. Важными импортерами японских лицензий являются страны Азии, особенно Индонезия (14,8 млрд. иен в 1982 г.) и Малайзия (14,6 млрд. иен) [337, 1983, № 8, с. 101; 331, 1984, т. 26, № 4, с. 33].

О высоком уровне научно-технического развития современной Японии свидетельствует и рост числа патентов, регистрируемых японцами не только в своей стране, но и за рубежом. По числу заявок на патенты Япония занимает в настоящее время